

На вопросы редакции отвечает
адвокат, управляющий партнер
Kulik & Partners Law.Economics
Ярослав Владимирович КУЛИК

РОССИЙСКИЙ АНТИТРАСТ ИЩЕТ СЕБЯ

Практикующий юрист, адвокат, специализируется на вопросах антимонопольного права. Участвовал в работе над четвертым и пятым антимонопольными пакетами и другими нормативными актами.

По представлению ФАС России за заслуги в формировании эффективной практики применения антимонопольного законодательства и активное участие в нормотворческой деятельности по вопросам конкуренции награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Неоднократно награждался благодарностями ФАС России.

Член Генерального совета Ассоциации антимонопольных экспертов, член Евразийского альянса антимонопольных экспертов, Ассоциации юристов России.

— **Какие тенденции в развитии антимонопольного права наблюдаются в связи с изменениями экономики и политических условий?**

— Я бы разделил ответ на этот вопрос на две части: изменение законодательства и изменение практики его применения.

Пожалуй, самое важное за последнее время изменение законодательства — это принятие пятого антимонопольного пакета. Введен новый институт антимонопольного права — запрет на осуществление монополистической деятельности субъектом, который владеет цифровой платформой. Он существует параллельно с классическим институтом злоупотребления доминирующим положением. Практики применения соответствующей ст. 10.1 Закона о защите конкуренции¹ еще

¹ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

не было. Буквально недавно на Антимонопольном форуме, организованном Ассоциацией антимонопольных экспертов и ФАС России, обсуждались первые случаи предъявления антимонопольным органом претензий к маркетплейсам в соответствии с новыми нормами, проведен первый анализ рынка по новым правилам. И уже проявились какие-то аспекты, которые не были видны при обсуждении законопроекта. Эти новеллы, конечно, связаны с динамичным развитием рынков цифровых платформ.

В том же пятом антимонопольном пакете появилась отдельная статья о порядке назначения экспертизы; продолжает развиваться сфера контроля за экономической концентрацией — введены институты заключения об обстоятельствах ходатайства по сделкам экономической концентрации, порядок очного рассмотрения ходатайства и представления письменных обязательств об осуществлении действий, направленных на обеспечение конкуренции.

Если обратиться к практике, то значимые изменения произошли сначала в ковидный период, когда инструменты антимонопольного контроля начали активно использоваться для сдерживания цен на важнейшие продовольственные товары, при этом был введен мораторий на проверки. В тот момент стали говорить о «ручном» применении антимонопольного законодательства. В постковидный период регулятор столкнулся с эффектами пандемии, в том числе отложенного спроса, спровоцировавшего резкий рост цен. Потом случились последствия санкций, ставшие новым внешним шоком для российской экономики. На постоянной основе используется мониторинг цен на социально значимые продовольственные товары. Впервые по предложению ФАС начали применяться инструменты своего рода «мягкой» силы — двух- и трехсторонние соглашения с региональными властями о сдерживании цен. Хозяйствующий субъект, добровольно заключая такое соглашение, принимает определенные меры сдерживания, обязуется не повышать цены в согласованный период или удерживать их в определенном коридоре для конкретной группы товаров. Конечно, прежде всего это касалось продовольственных товаров первой необходимости, перечень которых утвержден Правительством². Впоследствии такая практика

добровольных обязательств, принимаемых путем заключения соглашений, сформировала новый принцип ответственного ценообразования, который ФАС транслирует примерно с 2022 года, и его применение уже не ограничивается продовольственными товарами. Он нигде не закреплен, не описан, его содержание нигде толком не раскрывается. Если попытаться дать ему оценку, то он, скорее, близок к категориям социальной справедливости, социальной ответственности бизнеса. Предприниматели, опережая реакцию регулятора, берут на себя добровольные обязательства в каком-нибудь чувствительном для государства сегменте рынка. Выгода бизнеса от заключения таких соглашений состоит в возможности получить прогнозируемое регулирование, в том числе за счет согласованных с ФАС торговых и ценовых политик, получить, в конце концов, политические дивиденды.

Санкции привели к тому, что многих мировых ценовых ориентиров у нас теперь нет, поскольку российским компаниям ограничили доступ к данной информации и прямые мировые индикаторы цен применить сложно. Возникает вопрос: как в такой ситуации оценивать практики ценообразования? На рубеже 2021–2022 годов произошел существенный перелом в подходах антимонопольного органа, когда впервые были внесены изменения в методический документ ФАС России «Принципы экономического анализа практик ценообразования на предмет их соответствия Закону о защите конкуренции». Этот документ существует с 2014 года, и для своего времени он был очень прогрессивным инструментом и отличным примером методической работы антимонопольного органа. И хотя в самом документе содержится указание, что он предназначен для применения сотрудниками антимонопольного органа, именно в нем впервые были систематизированы ключевые подходы к оценке практик ценообразования доминирующих субъектов. Принципы были ориентированы на экспортные, импортные и сбалансированные рынки, хоть и не все. Многие

розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, и перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров, за приобретение определенного количества которых хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, не допускается выплата вознаграждения».

² Постановление Правительства РФ от 15.07.2010 № 530 «Об утверждении Правил установления предельно допустимых

компания руководствовались в своей практике этими положениями. И вот в них внесли изменения, согласно которым закрепляется новый принцип — приоритет внутреннего рынка³. Он предполагает, что доминирующая на рынке компания должна сначала удовлетворить спрос на внутреннем рынке и определять цены таким образом, чтобы не допускать последствий нарушения ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции, т.е. классических последствий злоупотребления доминирующим положением⁴. Появление этого принципа изменило практику рассмотрения дел о ценовых нарушениях. Но оно же породило и не имеющие универсального решения проблемы. Например, компания продолжает продавать продукцию на мировом рынке, на экспорт, и там сложилась цена ниже, чем на внутреннем рынке. Как в таком случае оценивать ее практику ценообразования на российском рынке с точки зрения Закона о защите конкуренции? ФАС успела на основании этого принципа выдать ряд предписаний, в которых требовала, чтобы цены на внутреннем рынке не превышали цены на экспортных рынках. Часть таких споров завершилась заключением мировых соглашений с ФАС.

Сейчас ведется работа по созданию системы национальных ценовых индикаторов на базе биржевых и внебиржевых индексов. Это сложная и комплексная работа в сфере ценообразования, не чисто антимонопольная. В ней участвуют Банк России, ФАС, Минэкономразвития, отраслевые регуляторы, Санкт-Петербургская Международная Товарно-сырьевая Биржа и др. Особое место занимает Биржевой комитет ФАС. Национальные индикаторы призваны заместить мировые, ставшие не всегда объективными, и они будут применяться не только в антимонопольном регулировании, но также в налоговой, таможенно-тарифной, бюджетной сфере и т.д. Такой ценовой индикатор будет полезен и для государства, и для бизнеса. Но сложность заключается в том, что мы проживаем переходный период, индикаторы еще не полностью сформированы, а давать оценку практикам ценообразования компаний нужно здесь и сейчас. И в этот

переходный период нужны как ориентиры и стимулы для участников рынка, так и открытый и заинтересованный диалог всех сторон.

— Не кажется ли Вам, что по сути речь идет о формировании новой государственной политики, можно сказать о мягком социализме, когда предприниматель не может распорядиться своей собственностью так, как он хочет, например продавать товар по свободно устанавливаемым ценам, ибо находится под давлением государства?

— Вмешательство государства в экономику существует всегда. Понятно, что изначально оно определяется политическим режимом, типом экономики и выбираемыми методами регулирования. Есть экономическое регулирование в чистом виде, которое прямо воздействует на спрос и предложение, регулирует цены на рынке в той или иной степени (пример — отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости). Есть также тарифное, налоговое, таможенно-тарифное, антимонопольное регулирование, регулирование внешнеэкономической деятельности и многое другое. Везде есть экономический эффект регулирования, который так или иначе воздействует на цены. Цены будут либо снижаться, либо повышаться под воздействием тех или иных правил.

Антимонопольные органы — это не органы экономического регулирования. ФАС не имеет полномочий предписывать конкретные цены. А дискуссии о том, нужен ли антимонопольный орган или нет, ведутся давно, и не только в России. Первичен при этом вопрос, нужна ли сама антимонопольная политика. Ответ на этот вопрос простой. Антимонопольная политика нужна — для того, чтобы иметь возможность сохранить в экономике выигрыши от конкуренции. Что это за выигрыши? Более низкая цена, более низкие затраты у компаний, как следствие, большие стимулы к инновациям, к развитию предприятий, отраслей. Об этом экономисты много пишут. Можно ли реализовать антимонопольную политику без ФАС? Я сомневаюсь. У самого рынка стимулов недостаточно. Размывать эту функцию по разным органам власти, пожалуй, неэффективно. Судебная система, если поручить защиту конкуренции только ей, самостоятельно явно не справится. Главная цель антимонопольного закона — это защищать конкуренцию. Для этого

³ Принцип предполагает оценку поведения доминирующего субъекта на внутреннем рынке, в том числе оценку приоритетности поставок товара на внутренний рынок, учет хозяйствующим субъектом спроса на внутреннем рынке.

⁴ Недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей.

есть два метода — превенция (*ex ante*) и пресечение (*ex post*). С 2020 года в приоритетной повестке ФАС стоят вопросы ценообразования и предупреждения резкого и необоснованного роста цен. С 2022 года их значение кратно выросло. В то же время официально менять метод регулирования государство не хочет и выбирает подходящие из имеющихся инструментов. Конечно, можно рассуждать о том, насколько это вмешательство корректно, соответствует ли оно фундаментальным принципам права, не вредит ли оно, но сигналы, которые власть транслирует бизнесу, важно учитывать.

Имеют ли подходы ФАС характер прямого регулирования? Иногда кажется, что это похоже на непосредственное вмешательство в бизнес, но, когда на рынках федерального масштаба возникают существенные конфликты, без риска «политики» не обойтись. То, по каким ценам предприятия продают продукцию на внутреннем рынке, конечно, будет иметь значение для государства в текущих экономических условиях (пусть это и сложная игра, при которой всегда идет поиск баланса в экономике). Однако сейчас особую значимость приобретает качество (эффективность) функционирования механизмов управления транзакциями между экономическими агентами. Сбой в цепочках «продавец — покупатель» не только влияет на цены и интересы потребителя, но и привлекает к себе внимание государства. Поэтому и российский антитраст не будет прежним. Но, на мой взгляд, пока не стоит ожидать наделения ФАС полномочиями по экономическому регулированию, изменения законов и фундаментальных принципов оценки поведения компаний на рынке.

— На что сейчас регулятор обращает внимание чаще всего?

— Сейчас важным сигналом от Службы является изменение стандартов доказывания в антимонопольных делах. Стало сложнее убедить регулятор в отсутствии нарушения. Регулятор стал более придирчив, более требователен к представлению компаниями своих аргументов и доказательств. Я убежден, что регулятор ожидает доказательной правовой и экономической позиции от участников рынка в диалоге с собой.

ФАС стала возбуждать заметно больше дел о злоупотреблении коллективным доминирующим положе-

нием. Российское антимонопольное право — одно из немногих, где данный институт применяется не только при оценке эффектов экономической концентрации. И хотя дел относительно немного — их можно пересчитать по пальцам двух рук, но и такого количества раньше не было. Этот институт впервые был применен против вертикально интегрированных нефтяных компаний (три волны дел 2008–2011 годов). Сейчас практики стало больше, и она сложная, противоречивая. Пока ФАС чаще выигрывает такие дела, но споры вокруг данного института не утихают.

ФАС стала обращать внимание и возбуждать дела по факту кратковременного повышения цен. Анализ состояния конкуренции на рынке проводится за определенный период. Так, минимальный временной период анализа в соответствии с Приказом № 220⁵ составляет один год или период существования товарного рынка. Тест гипотетического монополиста тоже оперирует периодом от одного года. Оценка показателей деятельности предприятия, в том числе затрат, компании проводят при наличии отчетности за полный период. Но последние примеры показывают, что ФАС возбуждает дела, когда признаки монопольно высокой цены наблюдаются в течение трех, двух месяцев и даже в более коротких временных промежутках. Это важная тенденция. Устоит ли этот подход в применении норм о монопольно высокой цене — решать судам. С одной стороны, ФАС реагирует на резкий рост цен. С другой стороны, даже если использовать затратный метод, то затраты понятны, когда закрыт полный период.

Впрочем, если читать между строк, у ФАС, мне кажется, тоже есть своя правда. Антимонопольное правоприменение меняется согласно изменяющимся обстоятельствам. Взять, например, простой аргумент о факторе роста спроса. Сейчас этого аргумента недостаточно. Необходимо доказать количественные показатели, дать оценку их влияния и т.д. Если развивать мысль дальше, то можно предположить, что регулятор хочет видеть доказательную позицию в отношении разумных усилий компании по прогнозированию и сглаживанию последствий роста или падения спроса, а не резкий рост цен.

⁵ Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке».

Разумеется, есть исключения — в частности, ковид, санкции напомнили и участникам рынка, и регулятору о не поддающихся прогнозированию внешних шоках. Но в целом эти размышления вписываются в идею эффективного управления рисками ценовых антимонопольных нарушений, предполагающего сглаживание ценовых колебаний через различные инструменты, в том числе заложенные в торговых и ценовых политиках.

— Вы сказали, что суды не смогут справиться с защитой конкуренции самостоятельно. А справятся ли с этим специализированные суды?

— Вопрос о специализированных судах для разрешения антимонопольных дел так или иначе поднимался. Но мне кажется, что изменения на уровне судебной системы маловероятны и нерациональны. Если посмотреть статистику, то количество чисто антимонопольных дел по сравнению с иными категориями в судах невелико. Мне видится, что необходимо развивать профессиональную специализацию судей в рамках судебных составов и включать в программу повышения квалификации судей таких «антимонопольных» составов вопросы экономики антимонопольного законодательства и экономического анализа, используемого в антитрасте. Этому стоит уделять внимание. Нагрузка на суды, особенно в Московском судебном округе, огромная. Чтобы вникнуть в детали антимонопольного спора, суду в среднем необходимо больше времени по сравнению с иными категориями публичных споров, а в некоторых категориях дел, например о ценовых нарушениях, часто требуются специальные знания. При этом судебная экспертиза назначается крайне редко. Она, конечно, могла бы разгрузить суд.

— Почему экспертиза назначается редко?

— На мой взгляд, это прежде всего проблема доверия к экспертам, которые находятся как бы за контуром судебно-правовой системы. Антимонопольные споры как споры с государством часто имеют особую политическую или социальную значимость, и суды не хотят брать на себя такую ответственность — решить, что ответ на существенный вопрос в таком деле даст третье лицо. Это, конечно, нехорошо. В этом чувствуется слабость суда как конституционной ветви власти.

— Суд не доверяет компетентности экспертов или боится, что их подкупит сторона?

— Я думаю, есть опасения, что эксперт может быть необъективен. В то же время по сравнению с антимонопольным органом, который прямо уполномочен нормативными актами на сбор информации у хозяйствующих субъектов, государственных органов и на проведение анализа конкуренции, эксперт проигрывает, поскольку никакой эксперт не обладает таким объемом данных и властью их собрать.

— Значит, он просто не обладает нужной информацией для выдачи компетентного заключения, а для ее сбора ему не хватает полномочий?

— Да, но мы не встретим такой мотивировки в отказных решениях по назначению экспертизы. Поэтому в рамках антимонопольных процессов мы не ставим вопросы экспертам, идентичные предмету анализа состояния конкуренции по Приказу № 220. К слову, несмотря на появление в законе отдельной статьи об экспертизе, возникает вопрос: а вправе ли ФАС назначить экспертизу в своих делах по вопросам, входящим в объем анализа согласно Приказу № 220? По логике вещей нет, потому что в соответствии с ним ФАС сама уполномочена анализировать эти данные. Но если вопрос выходит за пределы нормативно установленных задач для ФАС, то привлечь эксперта можно. Вопросов за пределами содержания Приказа № 220 множество, и они могут иметь важное значение для правильного рассмотрения дела.

— Какие недостатки в организации системы государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Вы замечаете?

— Одна из фундаментальных нерешенных проблем в делах о злоупотреблении коллективным доминирующим положением — это совокупность вопросов связанности дел. Третьим антимонопольным пакетом были внесены поправки относительно доступа к информации, составляющей охраняемую законом тайну. ФАС стала разделять дела по коллективному доминированию, чтобы защитить доступ к коммерческой тайне. Например, три доминанта — три дела. Но когда такие дела при обжаловании решения ФАС попадают в суд, у каждой компании получается свой процесс, несмотря на то что в основе каждого из

этих дел лежит один общий для всех юридический факт — наличие коллективного доминирующего положения.

Сейчас в каждом отдельном деле суд формально может прийти к разным выводам относительно факта доминирующего положения, так как условия преюдициальности далеко не всегда выполняются, а исход первого из дел, по сути, определит установление данного факта в других делах. Невозможно спорить с фактом о состоянии конкуренции, который уже установлен в другом процессе. Такая ситуация кажется абсурдной.

Варианты решения различны. Так, если вывод суда (факт) о том, есть доминирование или нет, един для всех, то все компании должны участвовать в рассмотрении одного дела, причем с равным объемом прав и обязанностей, а иной подход может повлечь нарушение права на защиту. Но для этого они должны быть созаявителями, однако решение ФАС по «чужому» делу на тебя обязанностей не возлагает, поэтому они могут быть только третьими лицами в делах друг друга (примечательно, что никаких вопросов о доступе компаний к коммерческой тайне друг друга в силу установленных законом гарантий ее соблюдения судом при этом не возникает). Судебный акт по первому из таких дел ограничит возможность оспаривания данного факта в других делах. Но это сильно усложняет судебные процессы и мешает сторонам.

Другой интересный вариант, если не возвращаться к совместному рассмотрению таких дел в ФАС, — выделить решение по вопросу о наличии или отсутствии доминирующего положения, основанного на результатах анализа рынка, в отдельный общий ненормативный правовой акт, направляемый всем коллективным доминантам до принятия заключения об обстоятельствах дела, правильнее — даже до возбуждения самого дела или выдачи предупреждения. Его смогли бы обжаловать все ответчики в одном процессе, но здесь надо продумать много нюансов.

В общем, эта проблема пока не решена ни в антимонопольном, ни в процессуальном законодательстве, ни в практике. Возможно, в ближайшее время, может быть уже в этом году, нам посчастливится увидеть ее взвешенное решение со стороны судов высоких инстанций.

Защита чувствительной информации влияет и на прозрачность процедур антимонопольных разбирательств, в том числе доступ к материалам, содержащим коммерческую тайну третьих лиц. ФАС сейчас находится меж двух огней. С одной стороны, она обязана соблюдать режим конфиденциальности (а все компании стремятся защитить свою информацию). С другой стороны, ФАС обязана обеспечить реализацию права ответчиков на защиту. Реагировать на аргументы антимонопольного органа по результатам анализа рынка бывает сложно из-за отсутствия доступа к первичной информации. Даже аналитический отчет, который составляет антимонопольный орган, выдается в двух версиях — сокращенной, с изъятием соответствующей информации для того, кто не является ее владельцем, и, соответственно, внутренней, для служебного пользования самой Службы. Получить к ней доступ можно, только предоставив согласие владельца информации. Иногда ФАС сообщает, чья информация составляет тайну, и это помогает. В ином случае компания получает возможность впервые прочесть целиком и аналитический отчет, и ряд других материалов дела, например результаты теста гипотетического монополиста, опросов конкурентов и потребителей, материалы проверки, только когда материалы антимонопольного дела попадают в суд (при подаче компанией заявления об оспаривании решения ФАС). Но иногда и за эти материалы приходится бороться, защищая интересы клиента, инициировать для этого отдельные судебные процессы.

Еще одна особенность российского антимонопольного процесса заключается в том, что нет единой процедуры установления факта нарушения, применения меры защиты конкуренции и меры ответственности. Сейчас это две разные процедуры, применяемые по двум федеральным законам — Закону о защите конкуренции и КоАП. Соответственно, эти два акта оперируют неидентичными институтами, например в Законе о защите конкуренции формально нет института вины за нарушение антимонопольного законодательства. А в рамках административного процесса расчет административного штрафа производится с учетом обстоятельств, которые целесообразно исследовать на стадии рассмотрения антимонопольного дела. При этом на этапе привлечения к административной ответственности сам факт нарушения уже не ставится под сомнение, он является для должностного лица установленным в решении ФАС,

хотя, по КоАП, административное расследование предполагает доказывание всех элементов состава правонарушения. Но такая реформа — соединение этих двух процедур — будет, конечно, непростой, поскольку затрагивает КоАП, универсальный закон, с множественностью интересантов.

Другой любопытный вопрос — оценка результативности совмещения ФАС полномочий по контролю за применением законодательства о регулировании цен (тарифов) и антимонопольного контроля. Прошло уже достаточно много лет с тех пор, как ФАС совместила эти функции. С экспертной точки зрения мне кажется, что можно уже оценивать эффекты и результаты такого объединения, которые могут стать основой для развития или корректировки выбранного пути. Потому что изначально критика реформы полномочий ФАС основывалась на том, что совмещение функций контрольного и регулирующего органа потенциально влечет риски в виде эффектов конфликта интересов.

— В чем смысл ограничения доступа к информации на одном этапе, если возможность ознакомления с этими материалами в итоге все равно есть?

— ФАС соблюдает требования Закона о коммерческой тайне, строго ограничивая к ней доступ третьих лиц. Судопроизводство основано на Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав. Правовой режим коммерческой тайны не может служить основанием для ограничения права на защиту. В соответствии с правовой позицией Пленума ВАС РФ ознакомление лиц, участвующих в деле, иных участников арбитражного процесса с материалами дела, аудиозаписью закрытого судебного заседания производится в порядке, применяемом в отношении дел, рассматриваемых в открытом судебном заседании. Надо вносить поправки в федеральный закон, чтобы обеспечить схожее регулирование в антимонопольном процессе.

— Можно ли вообще применять к антимонопольному разбирательству принципы состязательного судебного процесса?

— Есть точка зрения, что рассмотрение дела о нарушении антимонопольного законодательства представляет собой квазиюрисдикционный процесс.

Он похож на судебный, имеет многие схожие элементы, такие как право на защиту, право на ознакомление с материалами дела, право подавать ходатайства, делать заявления, представлять доказательства. Но в то же время совмещение властных полномочий государственным органом, который проводит разбирательство, создает неравные условия по доказыванию своей позиции. Это состязание неоткрытое. Бывает, впрочем, что и в судебном процессе стороны тоже до определенного момента придерживают свои карты и позиции.

— Но это считается недобросовестным поведением сторон.

— В этом и проявляется развитие процессуального законодательства. Мы говорим о проблемных областях, чтобы помогать развивать антимонопольный процесс. Бывает так, что к истечению сроков рассмотрения дела появляются новые документы, например материалы проверки. Казалось бы, материалы проверки по умолчанию должны быть частью антимонопольного дела, но на практике так бывает не всегда, правовой режим этих материалов различный. Поэтому сам орган решает, какие материалы включить в состав материалов дела. Все это влияет на реализацию права ответчика на защиту.

— А может, надо внедрить в антимонопольный процесс ту же систему, к которой пришла ФАС и которая предполагает предварительную проверку, получение предварительного мотивированного мнения?

— Как раз для этого в законодательство и был введен институт предварительного решения в форме заключения об обстоятельствах дела, направленный на обеспечение права на защиту. После выдачи такого документа антимонопольный орган уже не может менять состав доказательств, материалов дела, квалификацию и содержание объективной стороны вменяемого антимонопольного правонарушения, а у компании еще остается возможность дать свои возражения. К сожалению, срок для предоставления возражений очень небольшой, всего пять рабочих дней, поэтому если компания девять месяцев ничего не делала, не готовила свою позицию, то ей будет сложно эффективно воспользоваться этим сроком для защиты.

— **Как часто в лапы антимонопольщиков попадает малый бизнес, символом чего было некогда знаменитое батутное дело?**⁶

— Монополизм в виде классической формы доминирующего положения к компаниям малого бизнеса едва ли применим. Как правило, субъект малого бизнеса подпадает под антимонопольное регулирование, когда речь идет о каких-то локальных рынках, субъектах естественных монополий, например частной котельной. Понятно, что в таком случае закон будет применяться для защиты интересов неопределенного круга потребителей и коммерческих субъектов, если, допустим, нарушается порядок технологического присоединения, доступа к услугам, вводятся какие-то дискриминационные практики, устанавливаются необоснованные тарифы. Конечно, антимонопольный орган должен на такую ситуацию реагировать. И часть таких ситуаций отграничивается от антимонопольных нарушений — с 2015 года действует специальный состав в КоАП.

Другое нарушение, в котором малый бизнес также нередко участвует, — антиконкурентные соглашения, картели на торгах. Индивидуальные предприниматели, малые и средние компании — это активные участники торгов, их риск оказаться вовлеченными в такие соглашения очень велик, а управляют этим риском компании не очень хорошо. Несмотря на то, что практики по таким нарушениям много, антимонопольный орган прозрачно разъяснил свои подходы к выявлению и доказыванию сговоров, готовится к разработке новая ГИС «Антикартель» — иными словами, доказать классический картель на торгах для ФАС не представляет труда, — участники госзакупок продолжают попадаться.

Стоит ли ставить под сомнение возможность ФАС применять меры воздействия по отношению к малому и среднему бизнесу в таких случаях? Я думаю, нет. Тут, скорее, возникает вопрос: в чем причина этих проблем? Что было раньше, курица или яйцо? Возможно, причины, создающие условия для нарушения антимонопольного закона посредством заключения антиконкурентных соглашений, лежат в несовершенствах всей системы госзаказа. Бизнес реагирует

на внешние условия в силу своих знаний и умений. Попадаются те, кто безразлично относится к риску, более изворотливые попадают реже, но ситуация в корне не меняется. Поэтому и значимых стимулов развивать практику доказывания классических картелей на товарных рынках, которые почти в России не выявляются, у регулятора нет — ставка сделана на то, что хорошо работает.

Но и в части картелей есть заметный поворот в практике после Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2⁷. В нашей практике есть несколько отмененных по экономическим аргументам и доказательствам решений по заметным картельным делам.

— **Имеет ли значение прецедент в антимонопольном праве, учитывают ли его антимонопольные органы в своих делах? Следует ли сама ФАС своим прецедентам?**

— ФАС на свои решения ссылается активно. Здесь другая проблема — отсутствие в открытом доступе полной базы решений антимонопольных органов не всегда дает стороне возможность сослаться на какой-то кейс в поддержку единообразия применяемых подходов. Та база решений, что есть в открытом доступе, неполная, и увидеть по ней реальную картину бывает сложно. Оценку практики можно делать либо по открытым судебным делам (а часть значимых дел рассмотрена в закрытых заседаниях), либо в силу доступа к материалам в качестве участника конкретного дела. Специфика антимонопольных дел в том, что они редко бывают типовыми, тут дьявол в деталях. Единство подхода просто так не работает. В любом случае в части возможности сослаться на прецедент хозяйствующий субъект и ФАС находятся в неравной позиции. У ФАС есть преимущество.

— **Решения ФАС доступны посторонним лицам?**

— Формально правовые основы для публикации решений и других ненормативных актов имеются⁸. Тре-

⁶ См.: <https://www.pravilamag.ru/archive/3980-fas/> (дата обращения: 09.07.2024).

⁷ Постановление Пленума ВС РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

⁸ См.: приказ ФАС России от 27.07.2015 № 659/15 «Об утверждении порядка внесения сведений в единый раздел на сайте ФАС России с исчерпывающим перечнем и копиями решений и иных нормативных актов ФАС России».

бование о публикации решений есть и в Административном регламенте по рассмотрению дел. Но факт есть факт — открытая база решений ФАС неполная, публикуются не все акты.

— Какая часть решений ФАС обжалуется в судах? Есть ли общая статистика?

— Время от времени ФАС публикует выборочную статистику своей работы. По моим наблюдениям, после 2020 года этой информации стало существенно меньше. Раньше вокруг статистики ФАС постоянно велись споры. Независимые исследователи предпринимали свои попытки посчитать цифры, так как собственным оценкам ФАС не доверяли. Исходя из данных Судебного департамента Верховного Суда РФ за 2023 год, в первой инстанции по спорам об оспаривании ненормативных актов ФАС проигрывает 26% от всех (5910) дел, завершаемых принятием решения (требования удовлетворены полностью или частично). Однако по спорам об оспаривании постановлений о привлечении к административной ответственности ФАС проигрывает более 48% от всех (4708) дел (требования удовлетворены полностью или частично). Эти показатели в относительном выражении неизменны последние три года. В апелляции по первой группе отменяются 9–11% решений, по второй группе 5–7% решений; в кассации отменяется 7–9 и 6–7% решений первой инстанции соответственно.

— Есть ли какие-то особенности российского антимонопольного права или практики по сравнению с иными юрисдикциями?

— Из достижений российского антимонопольного органа по сравнению с другими странами можно выделить борьбу с картелями в госзаказе. Выдающиеся результаты тут имеются за счет того, что цифровизация госзаказа у нас одна из самых развитых в мире, что позволяет использовать новые способы и инструменты расследования. Но у нас давно перестали выявлять картели на товарных рынках федерального масштаба.

Существенно различается применение института коллективного доминирования. В России он применяется для пресечения злоупотребления доминирующим положением, тогда как, например, в ЕС — при осуществлении контроля за экономической концентрацией (хотя в отдельных европейских странах имеются

и примеры расследований). В России не используются институты *settlement* (урегулирование дела со смягчением ответственности) в картельных делах и *commitments* (добровольные обязательства) в картельных делах и делах о злоупотреблении доминирующим положением. Программа освобождения от ответственности за картели (*leniency*) в ЕС официально регламентирует и обеспечивает предварительное обсуждение добровольного заявления на анонимной основе. У нас это пока сделать не получилось. При этом аналогом европейских институтов *leniency* и *settlement* в картельных делах является институт заявления о заключении антиконкурентного соглашения (ст. 44.1 Закона о защите конкуренции, ст. 14.32 КоАП РФ).

При проведении проверки инспекция Еврокомиссии имеет право опечатывать помещения, документы, осматривать личные устройства сотрудников, если они используются для работы, использовать специальное криминалистические ИТ-инструменты (устройства и софт), проверяемое лицо обязано обеспечить полное сотрудничество с инспекцией, не ограниченное предоставлением документов. Генеральный директорат по конкуренции Еврокомиссии имеет более сложные внутренние системы сдержек и противовесов при отправлении своих полномочий. Есть и другие интересные отличия.

— А есть у нас какая-то особенность антимонопольного регулирования, связанная именно с иным взглядом государства на регулирование экономики?

— В 2020 году в период ковида во всем мире поднимался вопрос, как должен применяться антитраст. Шли бурные дискуссии о том, нужно ли ослабить регулирование путем специальных изъятий или, наоборот, усилить в этот период контроль. В значительной части эти вопросы относились к горизонтальным и вертикальным соглашениям. В России, как мне кажется, уже оглядываясь назад, получился сбалансированный подход. В условиях введенного в апреле 2023 года моратория на проверки бизнеса главным инструментом стал системный мониторинг цен. Глобальные изъятия из антимонопольных правил и запретов у нас не вводились. В 2023 году в условиях влияния санкций были разрешены соглашения органов власти и хозяйствующих субъектов в целях

стабилизации цен⁹. Об изменении подходов к оценке практик ценообразования доминирующих субъектов мы уже поговорили. Они как раз были обусловлены изменением ситуации в экономике, потребовавшей иных решений в антимонопольном регулировании. Так, например, природа принципа приоритетного удовлетворения спроса на внутреннем рынке имеет, на мой взгляд, некоторые черты методов экономического регулирования.

— **При прежнем руководителе Федеральная антимонопольная служба была постоянным ньюсмейкером, все время генерировала какие-то новости. А после Артемьева, кажется, новостей от ФАС стало меньше.**

— Я думаю, тут играют роль два фактора. Первый — это фактор личности. Максим Алексеевич Шаскольский все-таки человек другого склада, он технократ и изначально не был публичной фигурой, в отличие от Игоря Юрьевича Артемьева. И если смотреть на этих людей как на лидеров, как на государственных деятелей, управленцев, то они, конечно, разные.

Второй фактор — это время. Максим Алексеевич пришел на пост в 2020 году, как раз в период ковидных ограничений, когда появились новые вызовы, а ответы и решения еще предстояло найти. Поэтому примерно в первые два года после его прихода ФАС была довольно закрыта. Сейчас ситуация несколько изменилась.

Например, надо признать одним из самых открытых управление регулирования связи и информационных технологий ФАС. Елена Александровна Заева участвует в обсуждении новых норм и вызовов, очень последовательно выражает позицию регулятора.

— **Последние изменения Закона о защите конкуренции были направлены на усиление контроля на цифровых рынках. Как Вам кажется, достигнуты**

ли желаемые результаты? Достаточны ли внесенные изменения?

— Внимание к проблемам конкуренции на цифровых рынках во всем мире большое, в этом проявляется схожесть. Но избранные подходы отличаются. Закон о цифровых рынках (*Digital Markets Act*) 2023 года установил в ЕС первые в мире правила, которые регулируют деятельность шести технологических гигантов, удовлетворяющих ряду условий и названных привратниками (*gatekeepers*), и которые направлены на защиту конкуренции. В Великобритании Закон о цифровых рынках, конкуренции и потребителей (*Digital Markets, Competition and Consumers Act*) 2024 года существенно расширяет регулирование в сфере защиты прав потребителей при приобретении товаров на цифровых платформах, используя другую концепцию — взгляд на цифровую компанию как имеющую «стратегический статус на рынке». Закон призван искоренить недобросовестные практики и поощрить конкуренцию на цифровых рынках.

Общим вопросом в подходах к антимонопольному регулированию цифровых платформ является оценка сетевых эффектов (ключевой элемент пятого антимонопольного пакета). Но пока неясно, как эти сетевые эффекты измерять.

Не имеет четкого ответа вопрос о том, может ли ФАС применить нормы ст. 10 Закона о защите конкуренции к цифровой платформе, которая не удовлетворяет условиям новой ст. 10.1 Закона.

Есть вопрос о соразмерности количественных показателей ст. 10.1 текущему состоянию рынка. Например, если читать количественные показатели, которые заложены в ст. 10.1¹⁰, то нарушить эти требования могут только два хозяйствующих субъекта. Третий игрок уже выпадает из-под регулирования: $35 + 35 = 70$. Получается, целый Закон — для двух игроков рынка. Этот аспект впервые сейчас обсуждается с практической стороны. Только время покажет, будут ли эти критерии адекватны условиям рынка. Может быть, их надо будет адаптировать, изменять.

⁹ Постановление Правительства РФ от 26.04.2023 № 662 «О случаях допустимости соглашений, заключаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации с хозяйствующими субъектами в целях стабилизации цен на товары, включенные в перечень отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены».

¹⁰ Доля сделок, совершаемых между продавцами и покупателями посредством цифровой платформы, превышает в стоимостном выражении 35% общего объема сделок, совершаемых на соответствующем товарном рынке.

Также необходимо дополнить порядок анализа состояния конкуренции, утвержденный Приказом № 220, новыми требованиями ст. 8.1 Закона к анализу состояния конкуренции на цифровых рынках, т.е. наличием сетевых эффектов и оценкой возможности цифровой платформы оказывать решающее влияние на общие условия рынка, устранять других игроков или затруднять им доступ на рынок.

При этом положения пятого антимонопольного пакета подлежат применению только к транзакционным цифровым платформам, т.е. агрегаторам и маркетплейсам, которые обеспечивают процесс обращения товаров в сети Интернет путем совершения сделок между продавцами и покупателями. Однако в дискуссии о необходимости распространения антимонопольного регулирования на нетранзакционные платформы точка не поставлена.

Так что еще предстоит много работы.

— А может, в этом и заключается идея, что рынок, особенно цифровой, имеет тенденцию к укрупнению и государство и не ставит перед собой задачи регулировать мелких игроков?

— С одной стороны, да, это можно понимать так, что деятельность третьего участника рынка не регулируют, признавая, что у него не может быть рыночной власти. Но налицо существенное отличие нового института от института коллективного доминирующего положения (ст. 5 Закона). Допустим, в деле о коллективном доминировании достаточно иметь не менее 8% доли рынка, чтобы попасть в состав доминантов. А тут совсем другие показатели. Возможно, злую шутку сыграло время, поскольку закон долго обсуждался и за этот период рынок сильно изменился и вырос. Вспомните, каким был «Яндекс.Маркет» с исходной моделью бизнеса. Если раньше сама платформа, по сути, подталкивала продавцов к установлению в объявлениях синхронных цен, то теперь маркетплейсы — это реальный рынок, на котором продавцы конкурируют за покупателя (к слову, не только ценой). А закон приняли в том состоянии, в котором он был проработан изначально (и это после изнурительных многолетних дебатов). Это привело к некоторому дисбалансу системы, так как у запрета на осуществление монополистической деятельности субъектом, владеющим цифровой платформой, по

моему мнению, не нашлось четкого места в системе институтов антимонопольного права.

— Насколько адекватны меры ответственности для нарушителей антимонопольного законодательства?

— Мне кажется, что меры публичной ответственности на текущий день, с учетом экономической ситуации, адекватны, но все же ниже, чем, например, в Европейском союзе (там размер штрафа может достигать 10% от глобального оборота правонарушителя). В России штраф за злоупотребление доминирующим положением не может превышать 2% от всей выручки, а за картели — 4%. А вот частные иски нужно развивать, но бизнес неохотно предъявляет такие требования, опасаясь ухудшения отношений с доминантом.

Ответственность за антиконкурентные соглашения еще в 2017 году справедливо диверсифицировали по видам (более опасные наказывают большими штрафами, менее опасные — меньшими). Мне кажется, что за координацию экономической деятельности размер санкции нужно менять, приводя его в соответствие с реальной степенью общественной опасности и последствиями правонарушения (сейчас максимальный штраф за координацию 5 млн руб., но должностные лица координатора могут стать фигурантами уголовного дела по ст. 178 УК РФ). Но особый интерес представляет гражданско-правовая ответственность за картели, которая ранее всерьез не обсуждалась. В дополнение к штрафам ФАС прокуратура стала пробовать предъявлять иски, основанные на ст. 169 ГК РФ, о взыскании солидарно с участников картеля всего полученного по ничтожной сделке, противной основам правопорядка, в пользу государства. Причем ничтожным суд признает и сам картель, и госконтракты. А это уже совершенно другие суммы. Сейчас мы видим первые дела на уровне первой и второй инстанций, практика только формируется. Есть отказные решения, есть и удовлетворенные судом требования прокуратуры. Но вы можете себе представить, что будет, если такие иски устоят на уровне Верховного Суда РФ. Возникает фундаментальный вопрос о соразмерности совокупной ответственности участника картеля. Такой подход явно меняет правила игры. Зачем предпринимателю платить штраф, если с него потом еще и всю сумму контракта взыщут, и уголовное дело возбудят? Компании будут банкротиться,

затем субсидиарная ответственность руководителя и участника, да и уголовная ответственность вполне реальна. Интересно, что об этом думает ФАС? В общем, попытка прокуратуры для бизнеса очень опасная. Я считаю, что убытки от картеля нужно взыскивать, но только в размере той самой переплаты покупателя по сравнению с рыночной ценой.

В отношении уголовной ответственности по ст. 178 УК была попытка существенно повысить пороги по доходу в крупном и особо крупном размере, т.е. декриминализировать небольшие картели. В итоге законодатель повысил пороги в 1,6 раза: нижний порог по доходу для квалификации деяния — теперь 80 млн руб., особо крупный размер дохода (тяжкое преступление) — 395 млн руб. В любом случае это неплохо.

В части ответственности за картельные нарушения возникает фундаментальный вопрос о балансе интересов. Государство получило товар? Получило. Он нормальный? Нормальный. Его потребили? Потребовали. Замечаний нет? Нет. Продавец понес расходы на покупку этого товара. Да, он перекупщик, да, накрутил цену для госзаказчика, но у него были и объективные расходы. Всегда вставал вопрос: учитывать ли эти расходы при расчете суммы преступного дохода? На мой взгляд, конечно, надо учитывать, тем более такой подход известен Уголовному кодексу — ст. 185.3 «Манипулирование рынком» использует концепцию излишнего дохода в виде разницы между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без них. Но точку в этой дискуссии поставил в прошлом году Конституционный Суд РФ, указав, что расходы учитывать не нужно¹¹. Теперь это данность, если только законодатель однажды прямо не пропишет в законе иное.

Другая важная проблема — реализация программы освобождения от уголовной ответственности, одним из условий которой является возмещение причиненного ущерба или заглаживание причиненного вреда иным образом. Специфика картеля в том, что это групповое преступление. Не каждый участник группы извлек 80 миллионов дохода. Если лицо желает получить освобождение, какую сумму оно должно

возместить? Должен ли один заплатить за всех, чтобы его освободили, или только за себя? Как определить часть ущерба для каждого? А если у какого-то участника вовсе нет дохода, он не участвовал в торгах или «рядом постоял» вторым номером и не заключал контракта? Должен ли обвиняемый или подсудимый лично возместить ущерб или можно учитывать действия его компании? Много вопросов остается без ответов, хотя количество дел растет.

— **Часто ли у нас привлекают к уголовной ответственности за нарушение антимонопольного закона?**

— По данным ФАС, за последний год по сообщениям антимонопольных органов, материалам доследственных проверок с участием антимонопольных органов или с использованием их материалов было возбуждено 13 уголовных дел по ст. 178 УК РФ и еще 26 дел по иным составам, связанным с нарушением антимонопольного законодательства (прежде всего сговоры с заказчиками), 20 дел находилось в производстве судов, по 6 вынесены обвинительные приговоры, еще 86 сообщений о преступлениях направлены в правоохранительные органы, из них 48 — по ст. 178 УК РФ¹². Мы наблюдаем за статистикой, количество дел растет. Но приговоры выносятся условные.

— **Как Вам кажется, нужна ли вообще уголовная ответственность за антимонопольные нарушения? Может быть, достаточно возместить экономический ущерб, отдать все заработанное нечестным путем нуждающимся?**

— Это зависит от подхода. Например, в свое время от лица ФАС активно отстаивалась точка зрения, что картельные соглашения представляют собой вид мошенничества, поэтому наказание за них должно быть соответствующим. Я с таким взглядом никогда не был согласен, но и существующей уголовной ответственности не отрицаю. Я считаю, что меры имущественного характера в качестве наказания могут быть очень эффективны. Да, компания может обанкротиться, ФАС может не успеть наложить или взыскать штраф, но на такой случай как раз есть ст. 178 УК для преследования реальных фигурантов преступления.

¹¹ См.: Постановление КС РФ от 19.04.2023 № 19-П.

¹² Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023 год.

Фундаментальная проблема здесь в том, что причины и предпосылки возникновения картелей на торгах не устраняются, более того, они должным образом не исследованы. Я убежден, что корни проблемы кроются не столько в поведении предпринимателей, сколько в поведении заказчиков.

Бывают случаи, когда дела возбуждаются без решения ФАС. Поскольку норма ст. 178 УК РФ бланкетная, следователь вынужден получить заключение специалиста, и в качестве такового выбирается должностное лицо антимонопольного органа. Но это не комиссия антимонопольного органа, это конкретное должностное лицо, часто даже не руководящее, которое дает подписку о неразглашении материалов предварительного следствия. Даже руководитель этого лица формально не будет знать об этом деле. Очевидно, что мнение одного специалиста никак не может идти в сравнение с решением комиссии по результатам рассмотрения антимонопольного дела, в котором ответчику гарантировано право на защиту. Но заключение, которое уходит следователю, запускает всю машину уголовного преследования. Это неправильно. ФАС сообщает, что в 2023 году дано 34 таких заключения.

Можно было бы предположить, что балансирующим инструментом могла бы стать программа освобождения от уголовной ответственности. Я не знаю статистику по сделкам со следствием по этой статье, это закрытая информация, но ФАС утверждает о росте числа добровольных заявлений в последние годы. А мы как адвокаты конечно, видим риски, поскольку нет гарантии, что физическое лицо не будет привлечено к уголовной ответственности, если компания «сдалась» в ФАС. Материалы передаются из ФАС в правоохранительные органы в любом случае при выявлении материальных порогов, установленных в УК РФ, а механизма синхронизации процедуры освобождения от административной и уголовной ответственности нет. Тот, кто сдался первым в ФАС, не обязательно окажется первым в уголовном деле.

Вот в налоговых преступлениях механизм освобождения от уголовной ответственности иной, и он работает — полная уплата недоимки, пеней и штрафа освобождает от ответственности за впервые совершенное деяние. Это дает четкие ориентиры и гарантии предпринимателю. Думаю, что в антимонопольной сфере тоже следует применять такой подход или хотя

бы начать с того, что назвать процессуальным поводом к возбуждению уголовного дела исключительно решение антимонопольного органа.

— Расскажите, какие интересные дела были у Вас в практике.

— Одно дело, про которое я хочу рассказать, является крайне редким. Мы отстаивали позицию о том, что рынок является мировым и у компании нет доминирующего положения на нем. В итоге ФАС установила отсутствие доминирующего положения и прекратила расследование. Это был рынок графитированных электродов, используемых в металлургии для производства стали методом электродуговой плавки в высокомошных печах. Мы столкнулись с расследованием в период, когда был рост цен на мировом рынке, на которые сильно влияло регулирование в Китае, которое, в свою очередь, привело к снижению предложения на мировом рынке. Россия — один из активных участников этого рынка. И нашей стратегической задачей было убедить антимонопольный орган в том, что этот рынок мировой, что на нем наблюдаются циклы роста и падения и на момент рассмотрения дела мы попали в цикл роста. Антимонопольный орган тогда пошел навстречу, назначил экспертизу, приостановил дело на период ее проведения, а к окончанию срока экспертизы цены пошли на спад. И мы смогли показать и наглядно доказать тезис о цикличности мирового рынка. Действительно, есть промышленные отрасли, на которых чередуются циклы роста и падения, они могут длиться 4–8 лет. Но в последние годы из-за ковидных ограничений, потом из-за санкций циклы сбились, что, конечно, усложняет процесс доказывания в таких делах.

Были интересные дела по картелям, когда мы выработали ряд позиций, которые впоследствии стали использоваться судами в других делах и восприниматься в качестве стандарта доказывания. В одном из таких дел мы доказали, что материалы проверки обязательно должны являться частью материалов антимонопольного дела и должны были быть предъявлены для ознакомления ответчику. В другом деле нам удалось выработать стандарт оценки переписки — доказать, что переписка предполагает волеизъявление как минимум обоих участников — адресата и адресанта. Если письмо отправлено, но нет никаких доказательств реакции, его принятия, утверждения, исполнения того,

что написано в письме, нет выраженной воли второй стороны, то это не переписка, не обмен сообщениями и ее нельзя использовать в качестве доказательства. Такое вот было интересное дело.

Мы стремимся содействовать развитию права и правоприменения. И один из способов такого содействия — это повышать стандарт доказывания. Мы каждый раз поднимаем планку, собирая все более сложные доказательства.

— Вы видите разницу между тем, как Вы работали с ФАС и как проходили процессы, какими были стандарты доказывания два — четыре года назад, и тем что есть сейчас?

— Безусловно, да. Антимонопольный орган тоже развивается, и требования к аргументам, доказательствам, которые он ожидает, меняются. ФАС стала более требовательной, придирчивой, и общими объяснениями, например убеждениями о влиянии каких-то внешних факторов на деятельность компании, ответчики не отделаются, нужны убедительные доказательства такого влияния. Конечно, доказательства всегда были нужны, просто стандарт оценки изменился. И компании, и консультанты отчасти вносят вклад. Наши аргументов в одном деле может оказаться достаточно, а в следующем надо снова поднимать планку. Но также часто мы сталкиваемся с недостаточным вниманием к экспертизам, проведенным ответчиками. Когда ты представляешь заключение ученых-экономистов — многогранное, всеобъемлющее, отвечающее на сложные и нужные вопросы, в том числе на те, которые

антимонопольный орган не исследовал, и призванное помочь правильно установить обстоятельства дела, — хочется встретить дискуссию, поспорить с аргументами процессуального оппонента, но антимонопольный орган часто очень выборочно и довольно лаконично дает свои комментарии и, как правило, уже в заключении об обстоятельствах дела.

В делах о монополю высокими ценами ключевой спор часто состоит в наличии или отсутствии сопоставимого рынка, цена на котором не превышает цену ответчика в деле. Данный метод и раньше применялся крайне редко (что связано с довольно жесткими критериями сопоставимости и различными подходами к их применению на практике), а сейчас рассматриваемый в Госдуме законопроект¹³ предлагает исключить из числа сопоставимых рынков, находящиеся за пределами Российской Федерации. Впрочем, формулировки законопроекта довольно двусмысленны, и на прошедшем Антимонопольном форуме Сергей Анатольевич Пузыревский, заместитель руководителя ФАС России, сказал, что законопроект не исключает возможности приводить в качестве сопоставимого рынка рынок за пределами РФ. Что ж, увидим.

Вообще, нам сейчас сильно мешает разрозненность и закрытость. Мы в Ассоциации антимонопольных экспертов стремимся создать плотное профессиональное сообщество. Нам всем, по моему убеждению, остро не хватает постоянного открытого диалога между практикующими специалистами, экспертами, учеными, бизнесом, регулятором, законодателем и судами. ■

¹³ Проект федерального закона № 409891-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите конкуренции“».